

**ИЗМЕНЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РЕГИОНОВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ:
ПРИОРИТЕТЫ И ОЖИДАЕМЫЕ ЭФФЕКТЫ**

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, доктор политических наук, доцент, зав. кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, адрес: 305000, Россия, г. Курск, ул. Радищева, д. 33, e-mail: slatinov@yandex.ru

AuthorID: 684175

Аннотация. Целью исследования является выявление основных тенденций эволюции государственного и муниципального управления в России на региональном и местном уровнях после внесения изменений в Основной Закон РФ. Установлено, что поправки к Конституции Российской Федерации 2020 года дали старт организационно-правовому оформлению единой системы публичной власти в стране. На основе поправок уже трансформировано федеральное законодательство об организации власти на региональном уровне, ожидаются серьезные изменения в правовом регулировании и организации местного самоуправления. Ключевой направленностью изменений являются унификация, централизация и «вертикализация» системы публичной власти. В то же время государственная власть в субъектах Российской Федерации получит дополнительные возможности в части регулирования деятельности местной власти и контроля над ней. Общая направленность уже принятых и предлагаемых к принятию новелл укрепляет систему вертикального политического и ресурсного контроля вышестоящих уровней публичной власти над нижестоящими. Она содействует государственной экономической политике, основанной на перераспределении ресурсов, аккумулируемых в федеральном центре, через государственные программы и проекты вниз по вертикали. Ключевыми проблемами в функционировании такой конструкции являются сложности при принятии решений об оптимальном распределении ресурсов, отчуждение граждан от процесса работы и реализации государственной политики, искажение информации при превалировании иерархического политико-управленческого контроля.

Ключевые слова: публичная власть, государственное управление, регионы, губернаторы, местное самоуправление.

Цит.: Слатинов В.Б. Изменения в организации публичной власти регионов Центрального Черноземья: приоритеты и ожидаемые эффекты // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Том 18. – № 1. – С. 43-58.

**CHANGES IN THE PUBLIC AUTHORITY ORGANIZATION
IN THE REGIONS OF THE CENTRAL CHERNOZEMIE REGION:
PRIORITIES AND EXPECTED EFFECTS**

SLATINOV V. B., Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University (Russian Federation, Kursk), e-mail: slatinov@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify the main trends in the evolution of state and municipal government in Russia at the regional and local levels after the amendments to the Basic Law of the Russian Federation. It is established that the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 launched the organizational and legal arrangement of a unified system of public authority in the country. On the basis of the amendments, the federal legislation on the organization of power at the regional level has already been transformed, and serious changes are expected in the legal regulation and organization of local self-government. The key direction of the changes is the unification, centralization and "verticalization" of the system of public authority. At the same time, state authorities in the subjects of the Russian Federation will receive additional opportunities in terms of regulation of the local authorities' activity and control over it.

The general orientation of the novels already adopted and proposed for adoption strengthens the system of vertical political and resource control of higher levels of public authority over lower ones. It promotes the state economic policy based on the redistribution of resources accumulated in the federal center through state programs and projects down the "vertical". The key problems in the functioning of such a structure are the difficulties in making decisions on the optimal allocation of resources and the implementation of state policy, the distortion of information when hierarchical political and managerial control prevails.

Keywords: public authority, public administration, regions, governors, local self-government.

For citations: Slatnikov V.B. Changes in the public authority organization in the regions of the Central Chernozemie region // Central Russian Journal of Social Sciences. –Volume 18, Issue 1. – P.43-58.

ВВЕДЕНИЕ

Принятие поправок к Конституции РФ в 2020 году оказало сильное влияние на организацию публичной власти в российских регионах. Заметим, что теперь категория «публичная власть» имеет конституционное закрепление, а положение о единой системе публичной власти в стране позволило запустить процесс реформирования организации государственной власти и местного самоуправления на территории России. Процесс этот не завершён, но идёт довольно интенсивно – в конце 2021 года принят 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ», в стадии обсуждения в Государственной Думе находится проект ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Рассмотрение последнего сейчас приторможено, но понятно, что конструкция «единая система публичной власти» будет построена в правовом и организационном отношениях.

Проблемы реализации конституционных норм о публичной власти в региональном законодательстве и в практиках организации государственного и муниципального управления на региональном и местном уровнях получили широкое освещение в научном сообществе. В числе ключевых вопросов – итоги проведённой конституционной реформы [2; 10; 15], адаптация регионального законодательства и систем управления к нормативным установлениям Основного Закона и положениям 414-ФЗ [3; 12], перспективы трансформации института местного самоуправления в новых конституционных и политико-управленческих реалиях [9; 19]. В то же время наибольшую активность в сфере анализа институциональных изменений в системе власти пока проявляют представители юридической науки. Это неудивительно: поправки в Основной Закон были внесены в 2020 году, новый федеральный закон об организации публичной власти в российских регионах был принят в конце 2021 года, весь 2022 год ушёл на приведение законодательства субъектов РФ к новым правовым реалиям. Поэтому дискуссии разворачивались преимущественно в юридической плоскости. Однако, как и конституционные поправки, новое федеральное законодательство об организации публичной власти на региональном и местном уровнях несёт в себе определённую политико-управленческую концепцию, тесно связанную с характером эволюции российской политической системы и её режимных характеристик. Кроме того, уже принятые законодательные новеллы могут исследоваться на предмет их политико-управленческих эффектов, включая те аспекты, что оставляют за регионами право выбора тех или иных политических и управленческих

практик. Наконец, реализация принятых норм в региональном преломлении даёт возможность сравнительного анализа полученных результатов и прогнозирования их влияния на социально-экономическое развитие российских территорий, эволюцию региональных систем управления и политических процессов. Здесь рельефно обозначается предмет для политического анализа.

Описание методики исследования и обоснование её выбора

Для достижения цели, поставленной в статье, применялись стандартные методы политического и сравнительного анализа, метод обобщения, монографический метод. Анализировались нормы федерального законодательства, а также тексты законов субъектов РФ Центрально-Чернозёмного экономического региона и другие нормативно-правовые акты, регламентирующие организацию государственной власти на исследуемых территориях. Исследование опиралось на публикации российских учёных, занимающихся вопросами региональной экономики, государственного и муниципального управления.

Формирование единой системы публичной власти в России: ключевые параметры и оценки

Содержание конституционных поправок и норм 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» вызывает неоднозначную реакцию в экспертном сообществе, в особенности в его юридическом сегменте. При преобладающих позитивных оценках идеи закрепления в Основном Законе понятия «публичная власть» ряд представителей правовой науки обращают внимание на то, что оно не получило должного определения в конституционных новеллах, недостаточно связано с первой и второй главами Конституции, не в полной мере соотносится с закреплёнными там понятиями государственной власти и местного самоуправления, что создаёт определённые «неясности и двусмысленности» [15]. Однако с точки зрения анализа политической логики имплементации в законодательство соответствующих категорий очевидно, что концепт «единая система публичной власти» решал, прежде всего, политическую задачу конституционной легитимации сложившейся политико-управленческой конструкции, обозначаемой в публичном дискурсе как «вертикаль власти». Понимание этого юридическим сообществом отражает тезис о выраженном в конституционных изменениях «стремлении законодателя найти единый для всех видов государственной деятельности, государственных органов, органов местного самоуправления термин (такой как «публичная власть») и объединить им всё существующее многообразие институтов,

органов, объединений, общностей, потенциально заключающих в правовом положении властвующих характеристики» [15]. Однако для организационного завершения этого процесса, по мнению ряда представителей правовой науки, требуется более глубокая конституционная трансформация, поскольку нынешняя правовая ситуация характеризует «единую систему публичной власти» как «юридически недоопределённую» [9].

В то же время политические приоритеты, связанные с приведением политико-правовой конструкции властных отношений к нынешним политико-управленческим реалиям, являются как раз вполне определёнными, так что содержание конституционных изменений и направленность политико-правовых новелл в сфере организации и функционирования органов публичной власти вписывается в логику режимной трансформации российской политической системы.

В настоящий момент законодательство и структура органов государственной власти субъектов РФ в целом приведены в соответствие с требованиями 414-ФЗ. Федеральный законодатель определил весьма короткий переходный период для этого процесса – к 1 января 2023 года нормативно-правовую базу на российских территориях надо было адаптировать к требованиям нового закона, притом что коррекции подлежал огромный пласт законодательства всех уровней [3].

В содержательном смысле конституционные поправки и разработанные на их основе изменения в федеральном законодательстве направлены на дальнейшее укрепление президентализма [2], а также на «вертикализацию» отношений по линии «федеральный центр – регионы – муниципалитеты». Кроме того, наблюдается унификация требований в части организации и даже наименований органов государственной власти и должностных лиц на региональном уровне. Одновременно главы регионов получили дополнительные возможности в сфере регулирования территориальной организации, определения полномочий и формирования органов муниципальной власти. Тенденция к сочетанию усиления политического, кадрового и антикоррупционного контроля над главами регионов с параллельным расширением их прав в части формирования дизайна системы управления территориями наблюдалась в региональной политике федерального центра с 2012 года [14], но теперь приобрела системный характер. На правовые новеллы, закрепившие новые формы вертикальной подотчётности глав регионов, накладываются правовые и организационные механизмы формирования кадрового корпуса глав субъектов РФ – выборы «рефе-

рендумного» или «плебисцитарного» типа, на которых побеждает креатура федерального центра [8], создание кадрового резерва для губернаторского корпуса, обучение, политтехнологическое и методическое сопровождение деятельности губернаторов новой волны. Преимущественно вертикальный характер подотчётности сочетается с легитимизацией выдвиженцев федерального центра на выборах, погружением их в проблемы территории в процессе избирательных кампаний и формированием инструментов отзывчивого реагирования на импульсы со стороны граждан через специально созданные институты (центры управления регионом), наличие которых обязательно на каждой территории. Политико-правовой статус глав регионов стал более зависимым от федерального центра – Президент РФ получил право отрешать их от должности при утрате доверия, при этом закон не раскрывает деталей наступления оснований для данного события, иначе говоря, глава государства имеет право отрешить главу субъекта РФ по своему усмотрению. У Президента России также появилось право объявлять выговор руководителю региона. Одновременно сняты ограничения на замещение должности главы субъекта РФ по количеству сроков, что в сложившихся условиях ставит процесс сменяемости руководителей регионов в ещё большую зависимость от федерального центра. Усилено кадровое влияние федеральных ведомств на отдельные сферы управления на территориях – законодатель предписал федеральным органам исполнительной власти согласовывать назначения на уровне субъектов РФ руководителей исполнительных структур в обширном количестве сфер: образовании, здравоохранении, государственных финансах, государственном регулировании тарифов, жилищном контроле, строительном надзоре. Таким образом, «вертикализация» отношений по линии «федеральный центр – регионы» ведёт к прогрессирующему «сжатию» автономии последних в сферах социального и экономического развития территорий.

Одновременно регионы получают возможность «сжимать» автономию органов местного самоуправления. Концепция находящегося в процессе рассмотрения в парламенте нового федерального закона о местном самоуправлении постулирует, что, за исключением небольшого перечня базовых или «неотчуждаемых» полномочий муниципальных органов, основную долю сфер компетенции между уровнями региональной и местной власти перераспределяет субъект РФ. Ему же принадлежит право определять характеристики систем управления муниципалитетами, в том числе особенности наделения полномочиями главы муниципального образования и главы местной администрации

(через прямые выборы населением или выборы депутатами представительного органа в разных вариациях). Здесь сохранена вариативность моделей, но сам выбор оставлен за субъектом РФ в лице его законодательного органа, а фактически – высшего должностного лица. Глава субъекта РФ также получает (это уже закреплено 414-ФЗ) право на объявление выговора и вынесение предупреждения главе муниципалитета (в связи с ненадлежащим исполнением переданных государственных полномочий) и даже отрешение от должности последнего в случае отсутствия позитивной реакции на выговор или предупреждение. Право главы региона обратиться к депутатам представительного органа муниципалитета с предложением удалить главу муниципального образования в отставку дополнено основанием, связанным с «недостижением показателей для оценки эффективности органов местного самоуправления», что делает положение глав муниципалитетов крайне неустойчивым и зависимым от оценок и воли руководителя региона.

Трансформация публичной власти в областях Центрально-Чернозёмного экономического региона: факторы и приоритеты

В регионах Центрального Черноземья имплементация федеральных норм в законодательство об организации публичной власти, а также сформированная на этой основе её новая структурная композиция зависели от нескольких факторов. Ключевыми факторами выступали: 1) существующая структура власти в регионе, прежде всего её исполнительной ветви; 2) наличие регионального консенсуса в части необходимых изменений в организации публичной власти на территории – между ключевыми группами интересов и политическими силами; 3) мотивы и взгляды на перспективу трансформации структуры региональной власти со стороны главы территории как доминирующего политического игрока. Наконец, учитывая активную зависимость глав регионов от политического управления со стороны федерального центра, нельзя исключать, что осуществляемые изменения в своих основных сюжетах согласовывались на верхних уровнях политико-управленческой вертикали.

Среди этих основных сюжетов можно особо выделить: 1) унификацию наименования и статуса главы региона; 2) преобразование структуры исполнительной власти территории; 3) изменения в избирательных системах субъектов РФ.

В части перемен в статусе и наименовании должности главы региона следует отметить, что на момент внесения соответствующих измене-

ний в региональное законодательство высшее должностное лицо, одновременно возглавляющее исполнительную власть в регионах Центрального Черноземья, именовалось по-разному: в Белгородской, Воронежской и Курской областях – губернатором; в Липецкой и Тамбовской областях – главой администрации. После внесения поправок в уставы регионов высшее должностное лицо большинства чернозёмных территорий будет именоваться «губернатор», а на Тамбовщине – «глава области».

Переименование высших органов исполнительной власти областей из администраций в правительства открывало окно возможностей для осуществления структурных и кадровых преобразований в региональных системах управления. На момент принятия 414-ФЗ в Белгородской и Воронежской областях высшими органами исполнительной власти уже являлись региональные правительства. Таким образом, губернаторы трёх регионов (Курской, Липецкой и Тамбовской областей) получили инструмент для того, чтобы в ситуации имплементации федеральных норм в региональное законодательство предпринять глубокую структурную реорганизацию исполнительной власти соответствующих территорий.

Из трёх областей, осуществивших переход на «правительственную» модель организации исполнительной власти, две – Курская и Тамбовская – провели довольно глубокую перестройку структуры исполнительных органов, а Липецкая пошла по пути «косметических» изменений. В последнем случае было сформировано правительство региона из вице-губернаторов и руководителей исполнительных органов власти региона – структурные перемены оказались минимальны и носили преимущественно внешний характер [18]. В своих публичных выступлениях и интервью губернатор Липецкой области Игорь Артамонов подчёркивал, что в системе исполнительной власти территории сформировалась эффективная команда, успешно решающая задачи по хозяйственному, инфраструктурному и социальному развитию субъекта РФ [1]. Из чего можно сделать вывод, что липецкий губернатор как доминирующий политико-управленческий игрок, будучи в целом удовлетворённым работой системы исполнительной власти региона, не стал использовать имплементацию федеральных норм как повод для её структурной и кадровой реновации. Против формирования правительства региона и прочих изменений в региональном законодательстве, связанных с формированием единой системы публичной власти, выступила региональная организация КПРФ и фракция коммунистов в Ли-

пецком областном Совете депутатов. В ответ на критику со стороны оппозиции руководитель представительного органа Дмитрий Аверов, представляющий «Единую Россию», сообщил, что изменения в региональное законодательство и структуру власти территории вносятся, прежде всего, чтобы обеспечить соответствие федеральным требованиям [17]. Тем самым косвенно было подчёркнуто, что переход к «правительственной» модели организации исполнительной власти в Липецкой области носит преимущественно внешний характер и вызван потребностью адаптировать региональное законодательство к изменениям на федеральном уровне. Ещё один важный индикатор преимущественно «косметического» характера изменений в устройстве исполнительной власти – сохранение прежних наименований структурных подразделений правительства Липецкой области, основными из которых по-прежнему выступают управления. Учитывая биографию Игоря Артамонова, который до избрания главой региона работал в ПАО «Сбербанк», а также демонстрируемый им «менеджерский» подход к государственному управлению [6], приоритетными для главы региона являются результативность и функциональность деятельности органов исполнительной власти территории, и открывшиеся в связи с изменениями федерального законодательства возможности их реновирования пока не рассматриваются как актуальные.

В отличие от Липецкой области, в Курской и Тамбовской областях при формировании региональных правительств была осуществлена глубокая структурная перестройка исполнительной власти территорий. В частности, в Курской области введена самостоятельная должность главы регионального правительства в ранге первого заместителя губернатора (во всех остальных чернозёмных регионах правительства субъектов РФ возглавили сами губернаторы). Кроме того, вслед за Белгородской областью в Курской и Тамбовской областях в структуре региональных правительств были учреждены министерства [7].

Введение отдельной должности главы правительства Курской области губернатор Роман Старовойт объяснил высокой текущей загрузкой главы региона и необходимостью сосредоточиться на приоритетных вопросах регионального развития [5]. Таким образом, в Курской области в рамках административной реформы, вызванной приведением регионального законодательства в соответствие изменившимся федеральным нормам, глава региона принял решение о диверсификации управленческих полномочий, поставив в качестве задачи передачу значительной части рутинных и текущих вопросов в руки своего первого заместителя в ранге руководителя регионального правительства.

Весьма примечательным является факт, что в Курской области с 1997 по 2011 год, при губернаторах Александре Руцком и Александре Михайлове, существовала самостоятельная управленческая позиция главы правительства региона. Это обстоятельство, учитывая высокий политико-управленческий вес руководителя правительства, в том числе в структуре неформальных отношений, позволяло экспертам оценивать ситуацию с точки зрения наличия признаков «тандемной» организации власти [5]. В 2011 году в рамках административной реформы произошло упразднение регионального правительства, наличие которого, по словам авторов изменений, стало приводить к «дублированию полномочий» (при наличии администрации региона), а также создавало «двусмыслицу» в отношениях региональной исполнительной власти с другими политико-управленческими структурами. Консолидация управленческих полномочий должна была ускорить прохождение документов и принятие решений, повысить ответственность исполнительных органов [4]. В 2022 году регион на обновлённой федеральной нормативно-правовой базе отчасти восстановил прежнюю модель, при этом в новых условиях правительство региона стало высшим органом исполнительной власти территории. Таким образом, в условиях имплементации федеральных нормативных установлений, связанных с организацией публичной власти в регионах, из всех территорий Центрального Черноземья Курская область пошла на глубокий структурный эксперимент, управленческие эффекты которого ещё предстоит оценить. Важно также отметить, что при осуществлении институциональных изменений проявилась так называемая зависимость от предшествующего развития. В течение почти 15 постсоветских лет при двух губернаторах в Курской области действовала модель разделения полномочий между главой территории и председателем правительства региона. Поэтому примечательно, что спустя более 10 лет с момента упразднения она была восстановлена на новой нормативно-правовой основе и при новом руководстве областью.

Учреждение министерств в структуре региональной исполнительной власти стало ещё одной институциональной инновацией, реализованной самостоятельно с 1 января 2022 года в Белгородской области, а уже в рамках имплементации норм 414-ФЗ – в Липецкой и Курской областях. Речь идёт о переименовании и преобразовании в министерства крупных структурных подразделений региональной исполнительной власти – комитетов, департаментов, управлений. В советский период органы исполнительной власти областей не имели наименования «ми-

нистерство», поскольку практика «отзеркаливания» структуры и названий центральных органов власти была принята на республиканском уровне. В постсоветский период ослабление централистских стандартов привело к увеличению разнообразия в наименованиях региональных управленческих структур [11]. На территориях Центрального Черноземья до 2022 года региональные органы власти не назывались министерствами, поэтому соответствующие преобразования в Белгородской области были восприняты общественностью, экспертным сообществом и медиасферой неоднозначно. Губернатор региона Вячеслав Гладков обосновал переименование подразделений регионального правительства и их руководителей необходимостью повысить их статус, укрепить мотивацию и ответственность, а также тем обстоятельством, что региональным чиновникам со статусным наименованием должности легче заниматься решением проблем в федеральных структурах [16].

В ходе адаптации регионального законодательства к требованиям 414-ФЗ в Воронежской и Липецкой областях воздержались от переименования ключевых структурных единиц исполнительной власти территорий. В Курской и Тамбовской областях вслед за Белгородской переименования и преобразования коснулись ключевых подразделений региональных правительств и отраслевых органов исполнительной власти. Примечательно, что обоснование изменений главами Курской и Тамбовской областей было представлено в логике, схожей с аргументацией белгородского губернатора Вячеслава Гладкова. По мнению Романа Старовойта и Максима Егорова, которые до избрания руководителями территорий работали заместителями федеральных министров, статус министерств для ведущих подразделений исполнительной власти регионов лучше вписывается в общий тренд на унификацию системы государственной власти. Он также выступает в качестве мотивационного инструмента для повышения эффективности управления и ответственности, кроме того, к статусным наименованиям должностей на территориях благосклоннее относятся в федеральных структурах при решении различных региональных проблем [7]. Эффекты от переименований и преобразований структурных единиц региональных правительств на территориях Центрального Черноземья ещё предстоит оценить, тем более что сохранение традиционного подхода к данной проблеме в Воронежской и Липецкой областях даёт хорошую возможность для сравнительного анализа.

Избирательные системы регионов Центрального Черноземья пока не затронуты серьёзными изменениями, хотя 414-ФЗ даёт право уменьшать и даже полностью нивелировать долю депутатов, избираемых по

партийным спискам в законодательных органах власти территорий и представительных органах местного самоуправления. Ранее, еще до принятия 414-ФЗ, на основе действующего законодательства доля депутатов, избираемых по партийным спискам, была сокращена в Липецком областном Совете народных депутатов [13]. Возможности, предоставленные изменениями федерального законодательства, по-видимому, будут использованы позже по мере приближения крупных электоральных кампаний в соответствующих регионах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Состоявшаяся в 2022 году глубокая трансформация регионального законодательства в сфере государственного и муниципального управления и последовавшая за ней структурная перестройка исполнительных органов субъектов РФ направлены на развитие и реализацию принятых в 2020 году конституционных норм, постулирующих единство системы публичной власти в России.

Ключевым приоритетом осуществлённых и предполагаемых изменений в организации публичной власти на региональном и местном уровнях является закрепление системы вертикального политического и ресурсного контроля вышестоящих уровней публичной власти над нижестоящими. В качестве основных ожидаемых эффектов функционирования данной конструкции выступают расширение политического контроля над общественными процессами, а также политико-управленческое обеспечение общенациональной экономической и социальной политики, основанной на перераспределении ресурсов, аккумулируемых в федеральном центре, вниз по вертикали через «проектные» и «программные» инструменты. Данные тренды в настоящий момент имеют тенденцию к усилению в связи с переключением хозяйственной, социальной и общественной жизни страны в частично мобилизационный формат.

Проблемными характеристиками такой конструкции являются уменьшение региональных и местных интересов, сложности при принятии решений об оптимальном распределении ресурсов, отчуждение граждан от процесса выработки и реализации государственной политики, искажение информации при превалировании вертикального политико-управленческого контроля. Поиск нового баланса полномочий и ответственности в организации публичного управления в России возможен в ситуации исчерпанности потенциала вертикальной организации политико-управленческой системы и при переориентации ключевых общественных акторов на развитие принципа субсидиарности, который направлен на усиление децентрализации публичной власти.

Библиография/References:

1. Возросли управленческие риски. Игорь Артамонов о работе с инвесторами в период санкций – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5369322> (дата обращения 21.12. 2022).
2. Вотченко И.А. Модернизация публичной власти в условиях проведения конституционной реформы 2020 года // Образование и право. – 2021. - № 8. – С. 24-28.
3. Глигич-Золотарёва М.В., Лукьянова Н.И. Новые контуры трансформации публичной власти в Российской Федерации // Федерализм. – 2022. – Том 27. - № 1 (105). – С. 23-49.
4. Долгих И. Губернатор упразднил правительство – URL: <https://dddkursk.ru/number/896/new/007735/> (дата обращения 22.12. 2022).
5. Зоркий В. Роман Старовойт пообещал не отходить от оперативного управления регионом после появления председателя в облправительстве // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5460253> (дата обращения: 07.10.2022).
6. Какую экономическую повестку предложили чернозёмному бизнесу новые губернаторы – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4110880> (дата обращения 22.12. 2022).
7. Калашников С. Проверка на скромность. Администрацию Тамбовской области переименовывают в правительство – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5570709> (дата обращения: 28.12.2022).
8. Кынев А.В. Феномен губернаторов-«варягов» как индикатор децентрализации // Политика. – 2019. - № 2. – С. 125-150.
9. Леонов С.Н. Перспективы реформирования местного самоуправления в свете законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Проблемы развития территории. – 2022. – Том 26. - № 5. – С. 24-38.
10. Медушевский А.Н. Конституционная реформа – 2020 с позиций теории легитимности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2020. - № 4. – С. 15-31.
11. Николаев А. Трансформация региональной модели власти: исторический опыт // Власть. – 2013. - № 12. – С. 153-158.
12. Саликов М.С. Трансформация законодательного регулирования организации публичной власти в субъектах РФ (есть ли место федерализму?) // Вестник Сургутского государственного университета. – 2021. - № 4. – С. 96-104.

13. Сарикова М. Число избираемых по партспискам депутатов в Липецком облсовете сократилось вдвое – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4628073> (дата обращения: 17.12.2022).
14. Слатинов В.Б., Меркулова К.Г. Современный этап российской муниципальной реформы: содержание и ожидаемые эффекты // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. - № 3. – С. 37-45.
15. Стариков Ю.Н. Государственное управление в единой системе публичной власти: терминологический итог конституционной реформы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2020. - № 1. – С. 20-31.
16. Толмачёв С. С министерским размахом. В правительстве Белгородской области отказываются от департаментов – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5119415> (дата обращения 22.12. 2022).
17. Формировать состав Правительства Липецкой области и возглавлять его будет губернатор – URL: https://newslipetsk.ru/fn_962449.html (дата обращения 17.12. 2022)
18. Чумак М. В Липецкой области новый состав правительства определил Игорь Артамонов – URL: <https://vrn.live24.ru/obshhestvo/v-lipeckoj-oblasti-novuj-sostav-pravitelstva-opredelil-igor-artamonov/> (дата обращения: 16.11.2022).
19. Широков А.Н., Юркова С.Н. Местное самоуправление: большая реформа или упразднение // Журнал Бюджет. – 2022. - № 1. – С. 70-74.

1. Vozrosli upravlencheskie riski. Igor' Artamonov o rabote s investorami v period sanktsii [Management risks have increased. Igor Artamonov on working with investors during the period of sanctions] – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5369322> (data obrashcheniia 21.12. 2022). (In Russ.)

2. Votchenko, I.A. (2021) Modernizatsiia publichnoi vlasti v usloviakh provedeniia konstitutsionnoi reformy 2020 goda [Modernization of public authority in the context of the constitutional reform of 2020] // Obrazovanie i pravo [Education and Law] - № 8. – P. 24-28. (In Russ.)

3. Gligich-Zolotareva, M.V., Luk'ianova, N.I. (2022) Novye kontury transformatsii publichnoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii [New contours of the transformation of public power in the Russian Federation] // Federalizm [Federalism]. – 2022. – Tom 27. - № 1 (105). – P. 23-49. (In Russ.)

4. Dolgikh, I. (2023) Gubernator uprazdnil pravitel'stvo [The governor abolished the government] – URL: <https://dddkursk.ru/number/896/new/007735/> (data obrashcheniia 22.12. 2022). (In Russ.)

5. Zorkii, V. (2022) Roman Starovoi't poobeshchal ne otkhodit' ot operativnogo upravleniia regionom posle poiavleniia predsedatelia v oblpravitel'stve [Roman Starovoi't promised not to deviate from the operational management of the region after the appearance of the chairman in the regional government] – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5460253> (data obrashcheniia: 07.10.2022). (In Russ.)
6. Kakuiu ekonomicheskuiu povestku predlozhili chernozemnomu biznesu novye gubernatory [What economic agenda did the new governors propose to the black earth business] – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4110880> (data obrashcheniia 22.12. 2022). (In Russ.)
7. Kalashnikov, S. (2023) Proverka na skromnost'. Administratsiiu Tambovskoi oblasti pereimenovvaiut v pravitel'stvo [Check for modesty. The administration of the Tambov region is renamed into the government] – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5570709> (data obrashcheniia: 28.12.2022). (In Russ.)
8. Kynev, A.V. (2019) Fenomen gubernatorov-«variagov» kak indikator retsentralizatsii [The Phenomenon of “Vikings” Governors as an Indicator of Recentralization] – Politia [Politia]. – № 2. – P. 125-150. (In Russ.)
9. Leonov, S.N. (2022) Perspektivy reformirovaniia mestnogo samoupravleniia v svete zakonoproekta «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniia v edinoi sisteme publichnoi vlasti» [Prospects for reforming local self-government in the light of the draft law "On the general principles of organizing local self-government in a single system of public authority"] // Problemy razvitiia territorii [Problems of territory development].– Tom 26. - № 5. – P. 24-38. (In Russ.)
10. Medushevskii, A.N. (2020) Konstitutsionnaia reforma – 2020 s pozitsii teorii legitimnosti [Constitutional reform - 2020 from the standpoint of the theory of legitimacy] // Teoreticheskaia i prikladnaia iurisprudentsiia [Theoretical and applied jurisprudence]. – № 4. – P. 15-31. (In Russ.)
11. Nikolaev, A. (2013) Transformatsiia regional'noi modeli vlasti: istoricheskii opyt [Transformation of the regional model of power: historical experience] // Vlast' [Power]. – № 12. – P. 153-158. (In Russ.)
12. Salikov, M.S. (2021) Transformatsiia zakonodatel'nogo regulirovaniia organizatsii publichnoi vlasti v sub"ektakh RF (est' li mesto federalizmu?) [Transformation of legislative regulation of the organization of public authorities in the subjects of the Russian Federation (is there a place for federalism?)] // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Surgut State University]. – 2021. - № 4. – P. 96-104. (In Russ.)
13. Sarikova, M. Chislo izbiraemykh po partspiskam deputatov v Lipetskoi oblsovete sokratilos' vdvoe [The number of deputies elected on party

lists in the Lipetsk Regional Council has halved] – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4628073> (data obrashcheniia: 17.12.2022). (In Russ.)

14. Slatinov, V.B., Merkulova, K.G. (2015) Sovremennyi etap rossiiskoi munitsipal'noi reformy: sodержanie i ozhidaemye efekty [The current stage of the Russian municipal reform: content and expected effects] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. – 2015. - № 3. – P. 37-45. (In Russ.)

15. Starilov, Iu.N. (2020) Gosudarstvennoe upravlenie v edinoi sisteme publichnoi vlasti: terminologicheskii itog konstitutsionnoi reformy [Public Administration in a Unified System of Public Power: Terminological Outcome of the Constitutional Reform] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law]. - № 1. – P. 20-31. (In Russ.)

16. Tolmachev, S. S ministram razmakhom. V pravitel'stve Belgorodskoi oblasti otkazyvaiutsia ot departamentov [With ministerial scope. The government of the Belgorod region refuses departments]– URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5119415> (data obrashcheniia 22.12.2022). (In Russ.)

17. Formirovat' sostav Pravitel'stva Lipetskoi oblasti i vozglavliat' ego budet gubernator [The composition of the Government of the Lipetsk Region will be formed and headed by the governor] – URL: https://newslipetsk.ru/fn_962449.html (data obrashcheniia 17.12.2022)/ (in Russ.)

18. Chumak, M. (2023) V Lipetskoi oblasti novyi sostav pravitel'stva opredelil Igor' Artamonov [In the Lipetsk region, the new composition of the government was determined by Igor Artamonov] – URL: <https://vrn.live24.ru/obshchestvo/v-lipeckoj-oblasti-novyj-sostav-pravitelstva-opredelil-igor-artamonov/> (data obrashcheniia: 16.11.2022). (In Russ.)

19. Shirokov, A.N., Iurkova, S.N. (2022) Mestnoe samoupravlenie: bol'shaia reforma ili uprazhdenie [Local government: big reform or abolition] // Zhurnal Biudzheta [Journal Budget]. - № 1. – P. 70-74. (In Russ.)